

Фрид Норберт (*Frid Norbert*)

«Картотека живых»

Предисловие

«Картотекой живых мы называли ящик с нашим учетными карточками, стоявший в конторе лагеря, — рассказывает бывший заключенный гитлеровского концлагеря «Гиглинг 3» Норберт Фрид. — Таких ящиков было два — картотека живых и картотека умерших. Каждому из нас, конечно, хотелось остаться в первом и не попасть во второй.

Остаться в картотеке живых — значило уцелеть, пережить последнюю военную зиму. За это шла напряженная борьба. Она не ограничивалась тем, чтобы устоять против эсэсовцев, голода, болезней, вшей. Борьба шла и среди самих заключенных. Это была борьба за то, чье влияние возобладает в лагере: уголовников и фашистских коллаборационистов, с одной стороны, или политических заключенных и прогрессивных интеллигентов — с другой. Борьба была жестокая, смертельная...»

Об этой борьбе и рассказано в книге чехословацкого писателя Норберта Фрида «Картотека живых», русский перевод которой предлагается вниманию советского читателя.

Автор романа описывает жизнь одного из филиалов пресловутого концлагеря Дахау зимой 1944 года. Тема, как видим, не новая: о фашистских концлагерях уж было написано в Чехословакии немало воспоминаний и романов. Почему же книга Фрида, вышедшая в 1956 году, завоевала на его родине всеобщее признание, высокую оценку читателей и критики, а чехословацкий Союз ветеранов антифашистской борьбы отметил ее своей первой литературной премией? [6]

Дело в том, что, за исключением замечательной книги Юлиуса Фучика, произведения многих чехословацких авторов на эту тему представляли собой лишь натуралистические описания мучений узников и зверств гитлеровцев. Характерно название одной из таких книг — «Меня били железными палками». В Чехословакии первых послевоенных лет возникла, как тогда ее называли, своего рода «литература концлагерных ужасов». Авторы таких книг искренне изливали в них пережитые муки, но редко шли дальше этого. Они не могли глубоко осмыслить события, понять социальные и психологические закономерности виденного.

Фрид сумел по-иному, более вдумчиво подойти к своей теме. Отвечая на вопрос, почему книга о концлагере написана им сейчас, а не в первые годы после войны, по свежим следам пережитого, он сказал: «Чтобы получился настоящий роман, а не мемуары в страдальческом тоне, надо было подождать, пока все это отстоится во

мне...»

И Фриду действительно удалось творчески воплотить пережитое в художественно зрелое литературное произведение. Он сумел показать, как гитлеровцы сокрушали сильных и сгибали слабых и все же не смогли истребить в простых людях активную ненависть к фашизму и веру в победу справедливости.

Роман «Картотека живых», проникнутый идеями уважения к человеку и духовным ценностям человечества, идеями социалистическими, утверждает эти идеи в полнокровных художественных образах, без всякой надуманности, с большой убедительностью. Фриду не свойственны ни риторика, ни излишний психологизм, в романе нет пространного описания переживаний героев. Читая «Картотеку живых», становишься как бы непосредственным участником происходящего, чувствуешь, что автор дает возможность тебе самому кое-что додумать, как-то оценить героев, вместе с ними сделать известные выводы. Это происходит потому, что Фриду в отличие от иных авторов чужда рассудочная схема, чужды предвзятость и дидактика. Изобразительные средства писателя отличаются благородной простотой: строгий, сдержанный язык, никаких эффектов, словесных украшений, ложной патетики. И все же, читая книгу, мы замечаем, как часто повествование достигает подлинного пафоса. Но он не в речи автора, а [7] в поведении и в отношениях героев. Лаконично, скупыми словами, без тени литературщины писатель рисует картины лагерных нравов и быта, в которых сплетаются любовь и ненависть, вероломство и самоотверженность, отчаяние и твердая решимость, тупость и хитрость, подлость и великодушие. И эти описания — не грубый натурализм, а неприкрашенная и страшная действительность, глубоко осмысленная писателем.

«Картотека живых» читается с увлечением. Фрид с равным мастерством описывает и напряженные, полные глубокого драматизма сцены, и множество впечатляющих мелочей лагерного быта, таких, например, как единственная уцелевшая у одного из узников и бережно хранимая им «фотография жены» — рентгеновский снимок ее зуба...

Главная линия романа — это судьба чешского интеллигента Зденека, его духовное становление в тяжелой обстановке концлагеря, переход Зденека от подчинения полуживотному инстинкту самосохранения — «Лишь бы выжить!» — к разрешению для себя проблемы «Как выжить?»: честно или трусливо, выжить одному или вместе с другими. Эта внутренняя борьба и идейный рост Зденека отражают широкую картину общественных настроений внутри лагеря.

«Среди всех лишений и унижений у заключенного концлагеря есть два пути: он может или опускаться все ниже, или не склониться и идти против течения» — к такому выводу приходит Зденек Роубик. Когда-то Зденек был близок к коммунистам: его брат Иржи — известный журналист, член компартии. Но в буржуазной Чехословацкой республике молодой кинорежиссер Зденек не занял партийной, по-настоящему боевой позиции. В Гиглинг он попал морально и физически надломленным. Зденек уже два года в концлагерях, его беременная жена осталась в лагере Терезин, у него почти нет сил бороться за жизнь... Но в Гиглинге ему пришлось заботиться о еще более слабом товарище, и эта забота стала своего рода моральным стимулом, помогавшим Зденеку преодолевать в себе замкнутость и эгоизм.

Лагерь «Гиглинг 3» строила команда из ста пятидесяти заключенных, прошедших уже не один концлагерь. Потом туда прибыла первая партия [8] «мусульман»^{1} — полторы тысячи изнуренных, страшно исхудавших узников, преимущественно чехов и поляков. Старые узники, строители, стали проминентами. Немцев-уголовников комендатура сразу же назначила на руководящие должности. Самый умный и хитрый среди них — это писарь лагеря, Эрих Фрош, колбасник из Вены, попавший в концлагерь за махинации на черном рынке. Фрид мастерски раскрывает перед читателем психологию этого прирожденного приспособленца и интригана. Фрош усердно служит гитлеровцам и одновременно заигрывает с организацией заключенных, стремясь обеспечить свою безопасность при любом исходе войны. Перед эсэсовцами писарь раболепствует, в душе презирая их.

Тонко и убедительно индивидуализированы в романе фигуры властителей лагеря — эсэсовцев Копица, Дейбеля [9] и Лейтхольда. Мы видим живых, отличных друг от друга людей из плоти и крови, а не однотипных страшилищ, схематически иллюстрирующих гнусность нацизма. И вместе с тем, как уничтожающе разоблачил Фрид психологию этих профессиональных палачей! Вот комендант лагеря обершарфюрер Копиц, матерый гитлеровский тюремщик. За десяток лет эсэсовской «работы» он уже пресытился ее «отрадами». В нацистские «идеи» он не верит, его интересуют только нажива и теплое местечко.

«Дейбель и я — тертые калачи, — поучает он новичка Лейтхольда. — В свое время и мы потешались, когда нам впервые доверили хефтлинков, и считали, что можно делать с ними все, что нам вздумается... Но посмотри на нас сейчас. Перед тобой закаленные бойцы, зрелые немецкие мужи, как говорит фюрер... Я, конечно, не говорю, что мы с Дейбелем воплощенные ангелы, у нас тоже есть свои утехи, но, понимаешь ли, более утонченные. И мы иной раз позабавимся, но при этом никогда не забываем о будущем... — Копиц поднес руку к лицу Лейтхольда и задвигал пальцами у него перед носом: — «Пети-мети, понял? Это самая большая утеха!» Грязную работу — расправы, издевательства — «утомленный» Копиц охотно перепоручает своему помощнику Дейбелю. Сам он старается выглядеть «дядюшкой Копицем», этаким снисходительным толстяком с фарфоровой трубкой. Но вот в лагере случается чрезвычайное происшествие, последствия которого грозят благополучию самого Копица. И он, спасая свою шкуру, идет на чудовищное по хладнокровной жестокости преступление: организует «стихийное выступление немецких заключенных против евреев».

В других случаях Копиц «почти гуманен» и объективно оказывается «еще не самым худшим эсэсовцем», как уверяет заключенных писарь Эрих Фрош. В отличие от Дейбеля Копиц не садист, он «только хапуга», он не жаждет крови, он хочет, чтобы «Гиглинг 3» стал не лагерем истребления, а «рабочим лагерем нового типа», что устроило бы коменданта, который намерен в тихой заводи отсидеться до конца войны. Писарю Эриху Фрошу тоже нравится идея рабочего лагеря, и он старается сделать все возможное, чтобы ее поддержали заключенные. Так стяжатели и карьеристы из числа палачей и из среды заключенных легко находят общий язык. Две злые силы в лагере — уголовники и эсэсовцы — действуют заодно.

Но есть другая, противостоящая им сила — это заключенные-коммунисты и антифашисты самых различных национальностей: грек Фредо, испанец Диего, немец Вольфи, чехи Зденек и Гонза, поляк Бронек. Поистине международная антифашистская солидарность нашла свое живое воплощение в делах и людях

лагеря «Гиглинг 3».

Чешская критика справедливо отметила, что Фрид сумел убедительно показать, какую силу представляли собой политически сознательные узники и как эту силу направляли и умножали коммунисты. Организация труда и быта в лагере была вначале в руках «зеленых», а это значило, что царил волчий закон сильного. Но постепенно такие люди, как Фредо, Диего, Вольфи, связали в единую сеть разрозненные группы и отдельных заключенных, стремившихся отстоять сносные условия жизни для себя и для других. Фрид и здесь не подменяет действительности романтической иллюзией, показывая, сколь сложна работа коммунистической организации в лагере. Привлечь к себе интеллигента Зденека, человека совсем не героического склада, и других узников коммунистам удастся не словесным объяснением своей программы и принципов. Мы видим, как они агитируют практически, конкретными делами: они, старшие и более искушенные узники, умело спасают жизнь товарищей, помогают им выходить из тяжелого положения. Коммунисты исходят в своей работе не из абстрактных моральных принципов, которых с почти трагической идейной слепотой пытался вначале придерживаться старший врач Оскар и некоторые другие заключенные. В кропотливой, подчас незаметной работе рождается и крепнет партийная организация.

Особенно выразительно этот процесс описан в заключительных главах романа, где Зденек встречается со своим братом Иржи, пламенным коммунистом, любимцем товарищей. Здоровье Иржи непоправимо подорвано, болезнь убивает его. В последних душевных беседах братьев завершается духовное становление Зденека, укрепляется уже сформировавшееся в нем коммунистическое мировоззрение. Зденек все больше втягивается в работу подпольной организации коммунистов.

Партийная организация поручила ему налаживать связи с новыми людьми, которые попадают в «Гиглинг 3» из других лагерей. У Зденека своего рода явка для этих новых товарищей. Паролем избран обыденный и естественный вопрос: «Как себя чувствует твой брат?» Вскоре после смерти Иржи в лагерь прибывает новая партия заключенных. Один из новичков обращается к подавленному скорбью Зденеку с вопросом: «Как поживает твой брат?» Зденек начинает было: «Мой брат сегодня утром...», — но спохватывается.

«Заметив веселый взор новичка, Зденек понял, что это не обычный вопрос, а условный пароль.

— Брат чувствует себя хорошо, — быстро ответил Зденек и пожал новичку руку.
— Здравствуй, товарищ!»

Простой ответ Зденека, знаменующий его приход в ряды бойцов за то дело, ради которого отдал свою жизнь Иржи, звучит символически. Коммунист Иржи умер, но его место в боевом строю не опустело, для партии он жив: место коммуниста Иржи занял коммунист Зденек.

* * *

Норберту Фриду сейчас 45 лет. Писатель рано вступил на литературное поприще, еще до войны он сотрудничал в рабочей печати и в прогрессивном театре Буриана. В годы гитлеровской оккупации Чехословакии Фрид, как и многие его товарищи-антифашисты, находился в концлагере, был очевидцем всего того, о чем рассказано

в его книге. После освобождения, в 1945 году, Фрид стал одним из свидетелей обвинения на судебном процессе по делу военных преступников — эсэсовских тюремщиков из концлагеря Дахау. После войны Фрид много путешествовал. Четыре года он провел на дипломатической работе в Мексике и Соединенных Штатах. В этот период им написаны рассказы, вошедшие в сборник «Меч архангелов». Его перу принадлежат две книги о странах Латинской Америки: «Сменяющаяся Гватемала» и «Мексика находится в Америке». Пребыванием в странах Латинской Америки навеян сюжет сатирической комедии «Ночь озорства». Поездка в Корею дала Фриду материал для лирической [12] повести-сказки «Утраченная лента», написанной по мотивам корейских народных преданий.

Но самой крупной творческой удачей писателя и его наиболее значительным и глубоким произведением, несомненно, является «Картотека живых».

«В своем романе, — сказал Норберт Фрид, — я хотел еще раз показать, в меру своих способностей, почему нам так нужны мир, свобода и конец всех Гитлеров на свете». Это удалось писателю, и в этом бесспорная актуальность романа. В дни, когда в Западной Германии вновь воссоздаются условия, породившие гитлеризм, когда раздаются голоса новых претендентов на мировое господство, особенно назидательно выглядят картины недавнего прошлого, ярко и правдиво нарисованные Фридом.

Повествование в романе Фрида не доведено до дней разгрома гитлеровской Германии. Закрывая прочтенную книгу, мы не знаем, постигла ли заслуженная кара эсэсовских заправил лагеря «Гиглинг 3». Быть может, они оказались в числе тех, кто сумел ускользнуть от возмездия и сейчас нашел себе новое поле деятельности в Западной Германии. Ярко показав всю социальную и политическую опасность таких последышей гитлеризма, книга Фрида неизбежно приводит читателя к мысли о том, какой серьезной угрозой для человечества является активизация и новые политические авантюры уцелевших Копицев и дейбелей, какой трагедией для народов был бы их возврат к власти.

{1} Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

[1] Так помечены страницы. Номер предшествует странице.

Фрид Н. Картотека живых. Роман. / Перевод с чешского и предисловие Ю. Молочковского. - Москва: Издательство иностранной литературы, 1958.